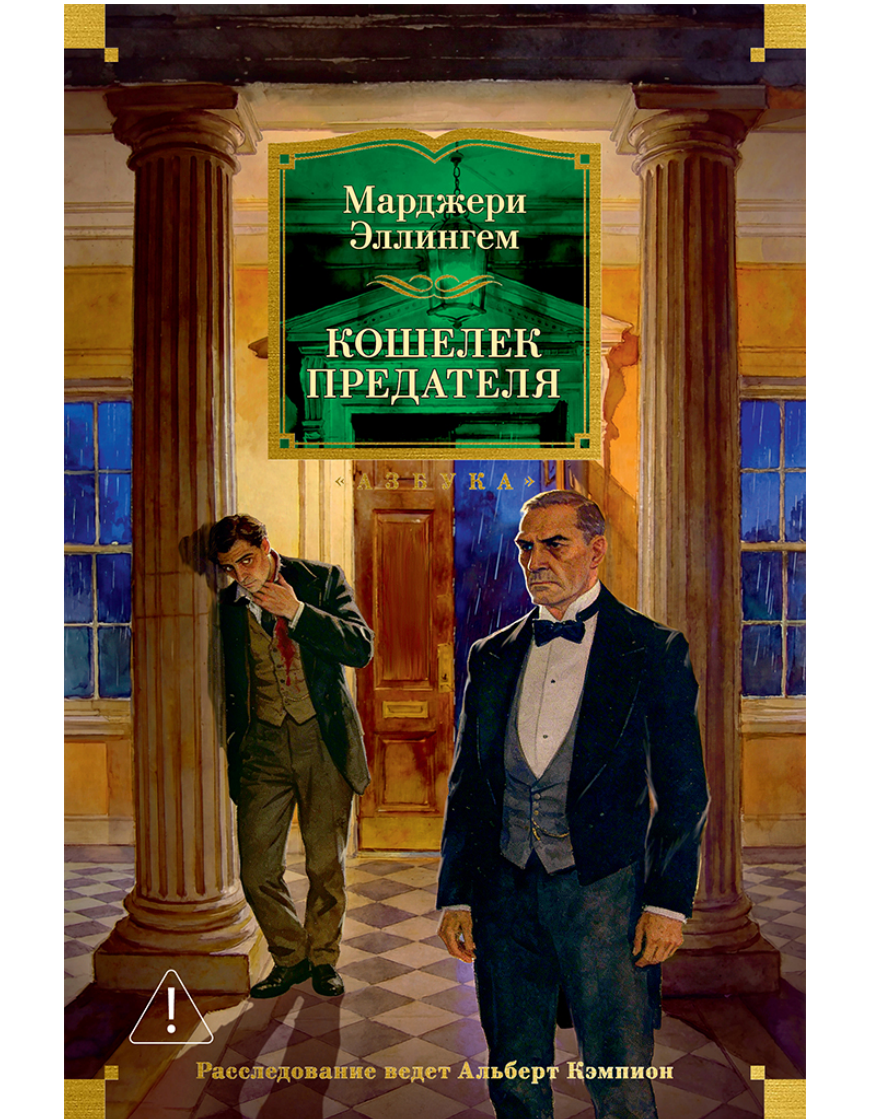

Марджери
Эллингем

КОШЕЛЕК
ПРЕДАТЕЛЯ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Альберт Кэмпбелл

Марджери Эллингем

Кошелек предателя

Серия «Альберт Кэмпиион», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74172786

*Идеальный дворецкий. романы, рассказы: Азбука, Издательство
АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-33483-0*

Аннотация

Марджери Луиза Эллингем – английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа».

Альберту Кэмпииону поручено сорвать чудовищную по своему размаху антигосударственную махинацию. Схватившись с бандитами, сыщик получает сильный удар по голове и приходит в себя в больнице. Он в состоянии амнезии – забыл даже собственное имя. Случайно услышав разговор медперсонала о том, что ему грозит смертный приговор за убийство полицейского, Кэмпиион решает бежать.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марджери Эллингем

Кошелек предателя

Margery Allingham
TRAITOR'S PURSE

Copyright © 1941 by International Literary Properties UK Limited, through its subsidiary Worldwritings Holdings Limited

The Case of the Name on the Wrapper, 1938; Case of the Hat Trick, 1938;

Case of the Question Mark, 1938; The Case of the Frenchman's Gloves, 1938;

It Didn't Work Out, 1936; They Never Get Caught, 1934; Publicity, 1939;

The Perfect Butler, 1935; The Mistress in the House, 1938

This edition is published by arrangement with

The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© В. П. Чепига, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Посвящается П. И. К.

Глава 1

Внезапно очнувшись, он лежал не двигаясь, постепенно приходя в себя. Спустя пару минут ушей коснулось невнятное бормотание, доносившееся откуда-то извне. Голоса были едва слышны, но их тихое приятное журчание отгоняло нахлынувшую тревогу. Он напряг слух. Похоже, разговаривали двое – мужчина и женщина. К счастью, кое-что удавалось разобрать. Это вселяло надежду: через некоторое время из обрывков фраз наверняка сложится что-то определенное, и тогда – хвала Всевышнему! – ситуация прояснится.

Со своего места он видел лишь кусок чистого пола, аккуратно застеленную соседнюю койку и занавешенное окно, верхняя часть которого уходила в темноту. Обстановка была совершенно незнакомой, но, по всей видимости, он находился в больнице. Он знал, как выглядит больница, и это успокаивало. В памяти всплыли мрачно-серые здания со множеством профилактических плакатов, развешанных в коридорах по стенам. Скользнув мысленным взором по назидательным заголовкам, он обрадовался: способность читать никуда не делась. Не всем так везет, иногда люди с амнезией могут понимать лишь произнесенные вслух слова. Странно, что он подумал об этом именно сейчас. Рассудок постепенно возвращался, настолько... насколько это возможно.

Он снова сконцентрировался на бормотании. Должно быть, говорящие находились за дверью, где-то там, в темноте. Женщина, само собой, – медсестра. Это открытие привело его в восторг: голова работала! В любой момент положение могло более-менее проясниться, и, устроившись поудобнее, он весь обратился в слух.

С кем бы там ни вела диалог медсестра, голос ее собеседника звучал вполне доброжелательно:

– Я, пожалуй, не стану его допрашивать...

– Еще бы, конечно, не стоит! – живо откликнулась женщина. – Это очень серьезно. Странно и довольно пугающе, что его оставили здесь.

– Вам не следует беспокоиться, мисс. – В голосе мужчины мелькнуло легкое недовольство. – Можете на меня положиться. Вот увидите: он будет вести себя тихо. Вероятно, даже и не вспомнит о произошедшем, а может, будет утверждать, что не помнит, пока не повидается с адвокатом. В наше время нарушители закона идут на все, лишь бы выйти сухими из воды.

Мужчина на больничной койке замер. Бормотание перестало ему нравиться. Теперь он напряженно ловил каждое слово.

– Как считаете, его повесят? – спросила медсестра.

– Всенепременно, мисс. – Мужской голос был одновременно извиняющимся и безапелляционным. – Видите ли, раз этот тип вырубил одного из нас, ему не отвертеться. Дра-

ка со стражем порядка, да еще со смертельным исходом, означает, что назад пути нет. Высшая мера будет для него адекватным наказанием, — добавил с ноткой удовлетворения тот, кто, как теперь выяснилось, был полицейским. — К тому же убийца имел при себе кучу наличных. Так что ему еще предстоит дать ответ, откуда он взял столько денег.

— Что тут скажешь... Отвратительная история!

После этих слов голос медсестры чуть дрогнул, и лежащий на койке подумал, что она сейчас зайдет к нему в палату. Он закрыл глаза и замер. Но шагов не было слышно, и вскоре женщина опять заговорила.

— Очень странное чувство возникает, когда смотришь на пустующие палаты. — Медсестра делано рассмеялась, пытаясь скрыть страх перед тревожными переменами. — Персонал свели к минимуму, оставив лишь несколько человек на случай чрезвычайных ситуаций. Мы единственная больница в городе, где еще принимают больных и раненых. Большинство постоянных сотрудников эвакуировано. Уж не знаю, как обстоят дела в других местах...

— Моя женушка с детьми сейчас в деревне, — неожиданно сменил тему полицейский. — И мне тяжело, и она там без поддержки... — Его голос превратился в доверительный шепот.

Мужчина на больничной койке снова открыл глаза. Напасть на полицейского... Независимо от того, в каком состоянии находился его разум, он понимал, что это жуткое пре-

ступление. Его прошиб пот. Когда-то ему даже снились подобные кошмары. Однако сейчас он поймал себя на мысли, будто бы очень хорошо знает людей, стоящих на страже закона, и более того – тесно взаимодействует с ними.

Что же все-таки произошло? За дверью только что сказали, что он может ничего не помнить. Так он и не помнил! Это его тревожило, вернее, в том числе и это. Смутное беспокойство нарастало. Оно сосало под ложечкой, заставляло усиленно биться сердце и вытесняло мысли о собственной безопасности. Почему-то на ум пришло число пятнадцать. Пятнадцать... Он понятия не имел, что оно означает, – память как будто стерли. Но то, что с этим числом связано выполнение срочного и важного задания, сомнений не вызывало. Предчувствие надвигающейся беды охватило его с головы до ног.

Итак, ему «шили» дело, потому что он якобы нанес смертельный удар полицейскому. А ведь он мог и вправду ударить его, в этом-то вся и штука. Мог. К тому же бобби обсуждал с медсестрой это так, словно судьба пациента уже решена. Они ожидают, что он потребует адвоката, верно? Но как же ему, который даже имени своего не помнит, поможет какой-то адвокат?!

Охваченный негодованием и твердой решимостью поскорее покинуть опасное пристанище, он вскочил с кровати. Бесшумно ступая босыми ногами по плиткам пола, поспешно пересек плохо освещенное пространство и вышел из па-

латы. Очутившись в узеньком коридорчике, выбрал дверь с противоположной стороны от той, за которой продолжали бубнить медсестра и полицейский. Перед ним открылся просторный коридор, чистый, но плохо освещенный мутными от грязи лампами. Лишь кое-где на полу лежали кругляши света.

Именно в одном из таких светлых кругов он заметил оброненную кем-то шпильку для волос. Машинально нагнувшись, чтобы поднять ее, почувствовал, как тело пронзила тупая боль. Этого еще не хватало! Не дай бог он потеряет сознание, и его вернут обратно в палату, а потом повесят за то, что он прикончил полицейского. Боже всемогущий, что за положение!

Холодный пол немного привел его в чувство, и мужчина вдруг заметил на себе серую больничную пижаму. Слева от него белел ряд дверей. В любой момент одна из них может открыться, и он нос к носу столкнется с кем-нибудь вроде главврача, солидным и сердитым. Какой-то настоящий ночной кошмар! А может, он просто видит дурной сон? Человек в пижаме с готовностью ухватился за эту спасительную мысль. Такой вариант избавил бы его от многих забот. В том числе объяснил бы, почему он ничего не помнит.

В любом случае даже во сне решение некоторых проблем не терпит отлагательств, и абсолютно очевидно, что для того, чтобы встреча с больничным начальством не обернулась еще бóльшим кошмаром, необходимо раздобыть более подо-

бающую одежду.

Он торопливо огляделся. Стены были совершенно голыми, если не считать нескольких пожарных ведер, висящих на крючках. Сначала он не заметил застекленную нишу под ними, но, когда взгляд опустился ниже, мужчина в пижаме застыл как вкопанный. За запертыми на ключ стеклянными дверцами находилась обычная атрибутика пожарного: черный защитный плащ, пара высоченных сапог, шлем и тщательно свернутый пожарный рукав.

Обойдя вниманием напечатанное на эмалированной табличке указание разбить стекло, он сосредоточился на замочной скважине. Протянув руку, чтобы дотронуться до нее, вдруг вспомнил о шпильке и испытал неподдельную радость. Значит, это один из тех хороших снов, в которых все необходимое очень кстати оказывается под рукой!

Времени размышлять о неожиданных совпадениях не было. Шпилькой он легко, будто проделывал подобное десятки раз, открыл замок. Его расстроило отсутствие брюк, но зато сапоги оказались просто шикарными. Шлем с завязками, дополнявший комплект, выглядел забавно, однако мужчина напялил и его, а после с облегчением застегнул на все пуговицы плащ.

Ему было совершенно наплевать на неуместность данной экипировки. В голове крутилась только одна мысль – надо действовать. Позади была опасность, впереди – нечто чрезвычайно важное. Он удалялся от опасного и приближался к

важному. Это казалось разумным и правильным.

Все двери по-прежнему оставались закрытыми. Нигде ни звука, ни шороха. Коридор пуст и тих, но в то же время казалось, будто он дышит, точно живой. Мужчина не мог ошибаться. Где бы он ни находился, кем бы сейчас ни был – пьяным, душевнобольным, видящим сон, – он способен отличить обитаемое здание от пустого. Люди здесь точно были.

Дверцы прикрытой витрины неожиданно со скрипом распахнулись, и он вздрогнул, когда одна из створок коснулась плеча. Это было плохо и могло его выдать. Если та сорока-медсестра прибежит на шум, то сразу увидит потревоженную витрину. Стараясь закрыть, он надавил на дверцу, не рассчитав силу, и тонкое стекло треснуло. Нежный звон, с которым осколки посыпались на пол, казался почти музыкой, а вот рев сработавшей пожарной сигнализации был ужасающ.

Сирена вопила, заставляя содрогаться каждую клеточку тела. Она бушевала. Она неистовствовала. Подхваченная со всех сторон многоголосьем других сирен, она пронзительно врезалась в ночь.

Глава 2

Здание и правда было обитаемым, мужчина в экипировке пожарного не ошибся. Кое-где распахивались двери, раздавались торопливые шаги, крики, резкие встревоженные голоса требовали информации, они кружились вокруг него, как пчелы из развороченного улья.

Он бросился бежать, тяжелые полы плаща хлопали по затекшим ногам. Промчавшись мимо лифтов, устремился к лестнице и ниже этажом столкнулся с пожилым мужчиной в белом халате, который поймал его за рукав.

– Я тороплюсь, сэр! – выпалил беглец, увернувшись, и, спустившись еще на один пролет, крикнул: – Присмотрите за своими пациентами!

Тем временем сирена продолжала выть. Ее рев подгонял, не давал остановиться. И пусть орет, пока он не окажется на улице.

В главный вестибюль он попал быстрее, чем ожидал. Здесь тоже царило дикое возбуждение. Кто-то выключил почти все лампы, большие двойные двери широко распахнули, и человек в дверях приказным тоном призывал всех выходить, не создавая паники.

Псевдопожарный ступил на кафельную плитку пола, инстинктивно следуя навстречу потокам холодного воздуха. Попавшаяся на пути медсестра отпрянула в сторону, и его

плеча коснулся врач:

– Скажите, где возгорание?

– Сзади. Опасности нет. Успокойте людей. Никакой опасности. – Ему понравился собственный уверенный голос и ответ, который прозвучал вполне авторитетно.

Он уже почти достиг запасного выхода, когда перед ним возникла какая-то девица. Пришлось обходить ее сбоку.

– У ворот? – успела она задать идиотский вопрос.

– Пожар сзади, мисс. Ничего серьезного. – Он взглянул на нее через плечо и, отметив треугольное личико и умные карие глаза, устремился дальше.

Это была совершенно случайная встреча, и девушка вполне могла быть чуточку «с приветом». Однако ему стало как-то не по себе, и он быстро нырнул во мрак.

Ночь не была кромешной. За дымкой облаков виднелась луна, и, как только глаза привыкли к темноте, вокруг отчетливо проступили очертания незнакомых строений. Он оказался на широкой подъездной дороге, где припарковались с десяток автомобилей, а за ними на фоне светлеющего неба громоздились крыши и шпили.

Он сел в ближайшую машину. В тот момент это показалось ему самым разумным решением, хотя управляться с педалями оказалось невероятно трудно: мешали огромные сапоги. Тем не менее малолитражка завелась, и он осторожно пустил ее по покатуному съезду к открытым воротам, а затем, вывернув на трассу и резко ударив по газам, покатыл по

тусклому асфальту на восток, полагая, что там все сложится удачнее, чем на любом другом направлении.

К его огорчению, машина оказалась прескверной. Самым досадным было ощущение, что он вроде бы привык ездить на автомобилях совсем иного класса. Мало того, что в этой неудобной малолитражке было тесно, так еще работала только одна фара и беспокоило управление: руль прокручивался, а где-то сзади все громче что-то бряцало.

Дорога, широкая, обрамленная темными домами, скрывающимися за порослью кустарников, была совершенно неизвестной. Правда, в Англии таких тысячи: ни транспорта, ни уличных фонарей... Он с опаской вел машину, мысленно подгоняя ее. Теперь это точно походило на настоящий кошмарный сон со всеми его характерными признаками: мрачной трассой, холодящим спину ужасом, тяжестью в ногах...

Проехав примерно полмили, он увидел встречный автомобиль, а потом с облегчением заметил еще пару огоньков. Оказалось, – автобус. Салон был затемнен, но, когда транспорт приблизился, стал различим его номер – 15.

Мужчина вздрогнул, воспоминания нахлынули на него, но тут же отступили, лишь раздражив. Что-то очень важное, очень срочное, но что? Он должен что-то немедленно сделать, и его ответственность за это огромна. На мгновение он почти вспомнил, но потом все исчезло, словно кануло в небытие. Но он не сомневался: это что-то – плохое. За ним охотилась полиция, очевидно, его преследовали за убийство.

Лязг в задней части машины перестал быть просто надоедливym и превратился в зловещий. В любой момент все может закончиться прямо здесь, в пригороде неизвестного города, где дурацкий костюм выдаст его с головой, как только он попадетсЯ кому-нибудь на глаза.

Именно в этот момент беглец заметил позади автомобиль. Размер или марку определить было невозможно: фары у того светили так же приглушенно, как и его собственная. Он чуть сбросил скорость, чтобы пропустить машину вперед, но водитель, ехавший сзади, не предпринял попытки обогнать и, похоже, собирался держаться на расстоянии примерно в двадцать пять ярдов. Это настораживало и даже пугало.

Он прикинул, что скорость его автомобиля составляет чуть больше сорока миль в час. Хотя временами колымага то ускоряла, то замедляла ход. Попробовал еще немного сбросить скорость. Однако машина позади тоже замедлилась, и одновременно с этим отвратительный скрежет стал еще сильнее.

Он широко улыбнулся. Положение было паршивым до комичности. Ну куда ему деваться на этакой развалюхе? У него не было никаких шансов. А в огромных пожарных сапогах даже бежать невозможно.

Влево ответвлялась другая дорога, и он свернул на нее, решив совершить последний рывок. Водитель, ехавший позади, проскочил поворот, и у бегльца мелькнула слабая надежда уйти в окончательный отрыв, но не успел он доехать

до следующей развилки, как автомобиль преследователя показался снова.

Неожиданно он оказался за чертой города. Должно быть, больница находилась к окраине ближе, чем он предполагал. Вот и все, подумал беглец, мчась в непонятную темноту по дороге среди голых деревьев. В любой момент его могут догнать и арестовать. Однако останавливаться самому бессмысленно, и он продолжил путь через лесистую местность с неизвестной машиной на хвосте.

Вскоре унылое настроение сменилось приступом злости, и, выругавшись, он вырулил прямо на середину дороги. Продолжая мчаться вперед, он, пытаясь уйти от погони, сворачивал, если было куда, но преследователь не отставал, следуя сзади, словно пришитый. Иногда, совершив ловкий маневр, ему удавалось ненадолго оторваться, однако тот автомобиль неизменно настигал.

Казалось, прошли часы, даже недели. Стоял ужасный холод, и он подумал, что его разум сейчас похож на эту машинку – такой же неуправляемый и так же освещает лишь одно – его настоящее.

Тем временем кошмарный стук где-то сзади стал оглушительным. Скорость тоже значительно снизилась, а в двигателе не хватало по крайней мере одного цилиндра. Он не заметил очередного поворота, и это решило его судьбу. Машина подняла тучу брызг и грязи, жидкое месиво хлынуло через радиатор и залило ветровое стекло. Двигатель покашлял и

заглох.

Наступившая тишина ощущалась как приятная, но жуткая. Он ждал, не двигаясь. Но ничего не происходило.

Облачность немного рассеялась, и в лунном свете он увидел невысокие живые изгороди, а за ними – темнеющие засеянные грядки. Ни ветерка, ни звука. Вокруг было неподвижно и холодно, как на морском дне.

Он осторожно обернулся и посмотрел в заднее стекло. Машина преследователя остановилась в нескольких ярдах позади. Разглядеть, кто сидит за рулем, не представлялось возможным.

Затем, пока он наблюдал за ней, машина двинулась с места. Она медленно проползла по дороге, плавно обогнула его малолитражку, не подняв ни малейших брызг, и водительское место оказалось на одном уровне с его собственным.

Глава 3

Боковые окна обоих автомобилей одновременно опустились, и человек в костюме пожарного приготовился к любому развитию событий.

– Помощь нужна? – раздался из темноты тихий голос.

Вопрос задали серьезно и вежливо, а голос был совсем юным и вполне мог принадлежать какой-нибудь симпатичной девушке.

– Вы знаете, где мы находимся? Мы полагаемся на вас. Надеюсь, вы это понимаете. – Второй голос, старческий и ворчливый, к тому же раздавшийся практически у самого уха, испугал беглеца до полусмерти: казалось, говорящий сидит на соседнем сиденье. – Водить машину ночью всегда непросто, – продолжал голос без всякой связи, – а в это время года ночь наступает весьма рано. В молодости я вроде бы охотился в этих краях, но это было очень давно. Очень. Я вообще не представляю, что это за дорога.

Беглец молчал, успокаиваясь, однако пришедшее в голову объяснение повергло его в новый шок. Кем бы ни оказались эти люди, они очень хорошо знали либо его самого, либо этот автомобиль. Он осторожно ответил, полагаясь на то, что они узнают его по голосу. Или не узнают, тут уж как получится.

– Боюсь, что машине каюк, – четко произнес он и стал ждать их реакции.

– Без сомнения, с этакой развороченной мордой. – Юный голос прозвучал с легким упреком. – Не мог бы ты пересестись к нам на заднее сиденье? Мистер Энскомб поедет рядом со мной, впереди. Боюсь, мы опоздаем на ужин, а я уже отзвонилась Ли. Оставь машину Джорджа.

Человек, у которого отшибло память, наострил уши. Имя произнесли с предупреждающими интонациями.

– Наш Джордж не очень-то разбирается в автомобилях, – неуверенно буркнул он, выбравшись наружу и обходя второй автомобиль сзади.

Когда он забрался в теплую темноту лимузина, девушка дала ему подсказку, на которую он и надеялся.

– Это не вина Джорджа, бедняги. Дело в его кошельке, – твердо проговорила она. – Все студенты, впервые столкнувшись с продавцом подержанных автомобилей, слишком доверчивы, верно? Тем не менее со стороны Джорджа было очень любезно одолжить тебе машину. Мне так жаль, что мы с тобой разминулась. Я стояла в вестибюле, когда ты проскочил мимо, и, прежде чем успела тебя догнать, ты уже уехал. – При этих словах она выжала сцепление, и они погнали в темноту.

– Мне тоже очень жаль. Так глупо с моей стороны, – пробормотал беглец.

Он старался вести себя очень осторожно. Очевидно, что любое неверное слово могло стать последним, а сейчас не время для объяснений. Кем бы ни являлась эта благословен-

ная девушка, она, несомненно, была готова ему помочь и, похоже, рассчитывала на то, что он ей подыграет.

Он откинулся на спинку сиденья и стал приглядываться. Постепенно на фоне ветрового стекла стали вырисовываться оба силуэта. Девушка была невысокой, но крепкой, с прямыми, как у мальчишки, плечами. Ну конечно же! Это та самая девушка с лицом в форме сердечка и удивительно умными светло-кариими глазами, которая заговорила с ним в вестибюле больницы. Должно быть, она пыталась сказать ему, что эта машина стоит у ворот. Неудивительно, что теперь она обращалась с ним как с умственно отсталым. А ведь, боже правый, так оно и есть!

Очертания человека, сидящего рядом с девушкой, казались менее определенными. Он выглядел как большой шар с крупной головой, увенчанной блином шляпы, будто крышкой на бутылке.

– Настоящее приключение, – вскоре заметил старикан.

Его свистящий голос был скрипучим, а фраза прозвучала глупо, но в то же время от нее повеяло опасностью.

Пассажир на заднем сиденье машины чуть помедлил.

– В некотором смысле, – произнес он наконец.

– Конечно-конечно. – Старик, несмотря ни на что, оказался разговорчивым. – Тем не менее вы выполнили свой долг. Это самое главное. Возможно, благодарности ждать не следует. Делай добро и бросай его в воду...

– А он и не ждал благодарности, – заметила девушка, гля-

дя прямо перед собой. — В любом случае, — осторожно продолжила она, — я не знаю, что еще ты мог сделать. В конце концов, если незнакомец достаточно вежлив, чтобы заговорить с кем-то в вагоне, и достаточно безумен, чтобы закрыть своим телом сумку, а потом он теряет сознание, самое меньшее, что можно сделать, — это отвезти его в больницу.

— Есть и еще меньшее, — глухо возразил старик. — А вы как думаете, Кэмпиион?

— Да-да, — поспешил согласиться человек на заднем сиденье.

Кэмпиион... Он ухватился за эту фамилию и попытался вспомнить, знакома ли она ему. Сначала ему показалось, что да, и на него нахлынуло облегчение. Но в следующее мгновение он уже разуверился в этом, и отчаяние вернулось. Чувство было неприятным, и ему захотелось закурить.

Так как карманов у него не было, он машинально наклонился вперед и в темноте нащупал пачку сигарет и зажигалку, находящиеся в кармане на спинке переднего сиденья. Сделал затяжку и только потом осознал, что вытащил пачку так естественно, как будто делал это сто раз. Объяснение очевидно: значит, ему не впервой. Это была его собственная машина.

Он откинулся на сиденье, пытаясь обдумать ситуацию. Голова раскалывалась, но думалось легко. Его подводила лишь память. Он не мог ничего вспомнить, но, по крайней мере, мог сопоставить те факты, которыми располагал на данный

момент.

Единственный очевидный вывод, который он сделал из текущих событий, заключался в том, что они с девушкой что-то замышляют, по крайней мере, она – точно. Она защищала его все это время, рассказывая одну историю за другой, и делала это очень хорошо, как будто для нее это было обычным делом. Возможно, так и есть.

Ему все больше чудилось, что она его жена. Чем настойчивее он думал об этом, тем более вероятным это казалось. Вот она сидит за рулем его машины, заботится о нем, как мать, лжет ради него, как настоящий друг. Впервые с тех пор, как он пришел в себя в больничной палате, забрезжила надежда. Он перестал ощущать себя одиноким. Помимо чувства облегчения, его охватила радость, и он снова посмотрел на девушку.

Она очень хорошо вела машину – уверенно и бережно. Он оценил это. Многие люди относились к автомобилю как к врагу, с которым нужно постоянно бороться. Ему понравился и ее голос – чистый, благородный, без сочувственных ноток и в то же время чарующе юный. Ее лицо он помнил лишь мельком, ведь он едва рассмотрел его в вестибюле больницы, но ему нравилось и то, как она гордо держала голову, и ее хрупкие прямые плечи.

Он развеселился. Если она его жена, то все в порядке. Пару раз ему приходило в голову, что он может оказаться каким-нибудь преступником. Эта мысль настолько угнетала,

что захотелось отбросить ее как маловероятную именно по этой причине. Но ведь он открыл пожарную витрину шпилькой для волос, и еще был тот странный намек на деньги, который полицейский бросил медсестре. Почему выглядело странно, что у него имелось много денег при себе? Почему полицейские сразу решили, что именно он вырубил их коллегу? Видел ли кто-то, как он нанес удар? Да и сделал ли он это? Он не ощущал себя каким-то особенно жестоким человеком. Кто он вообще такой?

Последний вопрос заставил его содрогнуться. Ответа на него не было. Внешне он казался себе относительно высоким и худым с довольно густой шевелюрой и полным набором своих зубов. Без зеркала он не мог сказать большего.

Девушка была молодой, возможно даже юной, и он задумался о своем собственном возрасте. Он находился в хорошей физической форме и, если не считать естественной слабости после пережитого – у него болели ноги и кружилась голова, – чувствовал себя довольно спортивным. М-да... Он явно не мальчишка, но точно не пожилой. В конце концов он решил, что ему двадцать девять. В любом случае это хороший возраст, и он не ощущал себя старше.

Настроение у него улучшилось, и стало казаться, что речь действительно идет о каком-то приключении. Большая машина быстро неслась вперед, и он уже почти убедил себя в том, что эпизод с нападением на полицейского был частью бреда.

Пожилой мужчина снова заговорил.

– Теперь я понимаю, где мы, – удовлетворенно произнес он. – Должно быть, мы проехали миль пятнадцать не в ту сторону. – Он резко замолк и тут же глупо, по-стариковски рассмеялся: – Я имею в виду пять миль, конечно. Не знаю, с чего я сказал «пятнадцать», – неловко добавил он.

Человек, к которому обратились как к Кэмпioniу, резко поднял голову в темноте, и ему снова стало тревожно.

– В любом случае уже недалеко. – Голос девушки звучал успокаивающе. – Если вы не возражаете, мистер Энскомб, мы высадим вас у ворот вашего дома, а сами поедем переодеваться. Обри перенес ужин на восемь тридцать, и лучше не опаздывать. Увидимся там, верно?

– Да-да, буду. – В голосе старика звучало воодушевление. – Я вообще никогда не упускаю возможность поесть в Институте, где Обри заправляет. Я помню его предшественника, великого Хейла. Тот был способным человеком, но до Обри ему далеко. Ли Обри – один из величайших людей нашего времени.

– Да, – задумчиво кивнула девушка. – Да, я думаю, так и есть. Он не боится окружать себя умными людьми.

Энскомб хмыкнул.

– Люди выдающиеся всегда одиночки, – назидательно изрек он. – Нам очень повезло, что он оказался здесь, в Бридже. Я помню знаменитое заседание, на котором Тайному совету объявили о его назначении. Меня как наследственного сек-

ретаря Общества поздравляли, но я сказал как отрезал: «Не благодарите меня, уважаемые Мастера Бриджа, – это обычное к ним обращение, как вы знаете, – не благодарите меня. Поблагодарите этого человека за то, что он теперь с нами». – Старик вздохнул и поерзал.

Кэмпиону стало ясно, что тот говорит о вещах, которые ему очень дороги. От него веяло гордостью и совсем немного напыщенностью.

Энскомб... Это имя ничего не говорило Кэмпиону. Но «Бридж» и «институт» ощущались как смутно знакомые. Казалось, что эти слова ему хорошо известны, как что-то, о чем он слышал множество раз.

Вскоре старик снова заговорил:

– Обри богат, знаете ли. Об этом мало кто знает, но он полностью жертвует всю свою зарплату в две тысячи фунтов в какой-то стипендиальный фонд на севере страны. Его персональный доход, должно быть, довольно значительный. Но ему это подходит. У него уникальное положение, которое не купишь ни за какие деньги в мире, и дом, практически являющийся музеем, такой тоже просто так не купишь. Вам там комфортно, не так ли?

– Очень. Это великолепный дом, верно, Альберт?

Кэмпиону потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она обращается к нему, но его реакция, когда она наконец последовала, была искренне восторженной.

– Вы устали, – обернулся к нему мистер Энскомб. – Это

переживание вас вымотало. Такое частенько случается. Лондон тоже утомляет. Что это на вас надето? Плащ? Я слышу, что-то шуршит, но не вижу вас. Здесь очень тепло. Почему бы вам не снять его?

– Нет. Пока не буду снимать, благодарю за предложение. – К своему ужасу, он понял, что начинает смеяться, но девушка снова пришла ему на помощь.

– Оставьте его, – сказала она. – Он и так в немилости. Взял не ту машину, завез нас в какую-то глушь, а теперь дремлет да еще воняет, как продавец велосипедов. Тебе придется снять свои великолепные одежды, Альберт, во всяком случае, в замкнутом пространстве их лучше не надевать. А мы практически приехали. Это же ваши ворота, верно, мистер Энскомб? Вы ведь не сочтете за грубость, если мы не будем заезжать во двор?

– Конечно-конечно. Я и сам опаздываю. Благодарю вас. Мне неудобно за то, что навязался вам, но вы были так добры, так добры...

Он с трудом вылез из машины, продолжая глупо разглагольствовать хриплым срывающимся голосом, и закрыл дверцу. Они увидели, как он постепенно удаляется в сторону строгого темного дома, пройдя сквозь ворота с высокими колоннами и лепниной.

– Вот дуралей! – вдруг воскликнула девушка. – Он оставил свой сверток. Я мигом. Догоню его.

– Да ничего, я сам, – быстро отозвался Кэмпиион, нащупы-

вая ручку.

– У тебя одежда неподходящая.

– Неважно. Он меня не увидит. А если и увидит, то решит, что я просто эксцентричный человек. Где его сверток?

Она повернулась к нему в темноте:

– Думаю, это книги. Вот, держи.

Он взял прямоугольный сверток и, пошатываясь, пошел вслед за удаляющимся силуэтом. Было светлее, чем ему показалось, и он не стал окликать старика, а спокойно подошел к дому. Входная дверь уже закрылась, и он решил не стучать, а положить сверток на ступеньку крыльца. Затем он поспешил вниз по дорожке к ожидавшему его автомобилю.

Без Энскомба машина показалась ему более приятной. Девушка мягко выжала сцепление, и они тронулись с места. Мужчина, который все еще пытался вспомнить, действительно ли его зовут Альберт Кэмпиион, наклонился вперед. Теперь, когда он остался наедине со своей, как он думал, восхитительной, хотя и не узнанной им женой, он чувствовал неловкость и не спешил задать мучивший его вопрос. Девушка произвела на него невероятное впечатление. Он был рад видеть ее, просто по-детски счастлив и мечтал уснуть, положив ей голову на плечо. Но как узнать ее имя?..

– Все это ужасно сложно, – неловко начал он.

– Я знаю.

Ее согласие прозвучало настолько искренне, что он замол-

чал.

– Именно ужасно, – продолжила она. – И у нас совершенно нет времени, чтобы поговорить об этом и все прояснить. Мы уже приехали, опаздывать нельзя, это будет выглядеть странно.

Она повела машину вверх по крутому склону и проехала через ворота.

– Я чудом узнала, где ты находился. Ждала на станции, как мы и договаривались. От Энскомба я смогла избавиться до четырех часов, но потом мне пришлось таскать его с собой, придумывая на ходу какие-то дурацкие истории. Он просто вынудил меня взять его. Сказал, что ему нужно к зубному, и спросил у Ли Обри, можно ли, чтобы я подвезла. Ли лично об этом попросил, и я не могла отказать, чтобы не вызывать подозрений. Вот так Энскомб и оказался в машине.

Автомобиль не остановился. Насколько Кэмпиион мог судить, они находились в каком-то парке.

– Он ужасный старикан, верно? – Девушка продолжала говорить, нервничая и глотая слова. – Девяносто девять процентов времени – одни плоские шуточки, а потом раз – и умная острота. Не знаешь, в чем дело, то ли он притворяется, то ли у него и правда уже ум за разум зашел. Нам надо постараться вести себя за ужином как можно естественней. У тебя под формой есть другая одежда? Оставим твой костюм в машине?

– Все зависит от того, куда мы идем. Я в жуткой пижаме...

такой серой из фланели...

– В смысле? – Девушка остановила машину и повернулась к нему: – Что случилось? Тебя ранили?

– О боже, нет! – быстро ответил он. У него потеплело на душе, когда он увидел, как она волнуется. – Со мной все в порядке. Меня просто вырубили.

– Точно?

Казалось, что ей сразу стало гораздо легче, чего он не ожидал, и она не выглядела такой уж удивленной.

– Мужчина в газетной лавке прошептал одно слово – «больница». Я не стала задавать ему наводящие вопросы. Там толпилась куча народу, а у меня не хватало времени. Было уже почти пять, и в машине сидел этот чертов Энскомб. Старикан что-то знает, клянусь.

– Больше, чем я, – мрачно пробормотал Кэмпиион.

– Да, я так и думала, – кивнула, к его удивлению, она. – Будем иметь это в виду. Я рада, что с тобой все в порядке. Мне и в голову не пришло, что ты мог попасть в больницу. Когда я увидела, как ты выходишь на улицу в костюме какого-то водолаза, я подумала, что кто-то одолжил его тебе для смеха. Кстати, сменная одежда лежит в бардачке. Я так волновалась, думала, как же ты переоденешься, чтобы Энскомб не увидел? Ну, теперь уже поздно переодеваться, верно? Придется идти так.

Девушка была очаровательной, а мужчина очень устал.

– Как скажете, мадам, – рассмеялся он. – Куда мы напра-

вимся?

– Думаю, вон в ту боковую дверь. А ты как считаешь? В ту, что ведет в дом со двора, где мы оставим машину. Я знаю, что гостям не подобает пользоваться задним входом, но лучше не привлекать внимания. Конечно, ты всегда можешь снова крикнуть «Пожар!», но не думаю, что это поможет делу.

Он смотрел, как она мастерски паркует большую машину на узкой дорожке у большого темного здания. Она была удивительно юной, ловкой и энергичной, как ребенок, и без всякого жеманства. Ее голос казался ему самым милым и успокаивающим из всех, что он когда-либо слышал.

Она припарковала автомобиль, и мужчина, пошатываясь, ступил на аккуратный старомодный бывший конюшенный двор, выложенный булыжниками; в слабом свете виднелись изящные линии невысоких построек в георгианском стиле. Не успел он выйти, как она уже открыла багажник и вытащила чемодан.

Он перехватил у нее поклажу и хотел обхватить девушку за плечи свободной рукой, но она не заметила его жеста, и он подумал, что, вероятно, обычно он так себя не ведет, и удивился самому себе.

– Пойдем, Альберт, – окликнула она. – Уже ужасно поздно. – Девушка ждала, стоя в темном арочном дверном проеме. – Две ступеньки. Давай. Здесь есть устройство, которое зажигает свет, когда люди входят.

Как только деревянная дверь мягко закрылась за ними, небольшой проход, в котором они стояли, осветился, и в мягком желтом свете они увидели уютный интерьер идеального георгианского дома. Обитая кожей дверь отделяла от коридора жилую часть, а узкая дубовая лестница слева вела к такой же двери на втором этаже. Девушка направилась к этой, второй двери, и, когда она взбежала по лестнице, он вдруг узнал ее. В пугающей темноте его сознания проступило имя. Ее хрупкая спина под идеально скроенным коричневым твидовым жакетом, ее рыжие локоны, маленькая рука в коричневой перчатке на перилах – все это вдруг приобрело милую его сердцу реальность.

– Аманда! – воскликнул он.

– Что? – Она обернулась и застыла, стоя на верхней площадке и вопросительно глядя на него светло-кариими глазами, и каждая черточка ее треугольного личика была живой и юной.

Он рассмеялся и поспешил за ней:

– Мне просто захотелось позвать тебя по имени.

Улыбка исчезла с ее лица, и он подумал, что она выглядит немного смущенной.

– Я вовсе не сержусь, – неожиданно пробормотала она, как будто он в чем-то ее упрекнул. – Просто все это так ужасно важно и... неизбежно. А ты вернулся таким беззаботным. Случилось что-то хорошее?

– Нет. Боюсь, что нет. У меня просто голова кружится, –

ответил он и последовал за ней через вторую дверь, впустившую их в мирок старомодной элегантности.

Аманда пересекла верхний холл – панели из сосны, китайский ковер и зеленая обивка создавали георгианскую обстановку, но в ней не было удушающего и показного шика, свойственного тому периоду, – и толкнула арочную дверь.

– Да, слава богу, твои вещи уже убрали, – обронила она, бросив взгляд куда-то в угол. – Ли решил проблему со слугами, да? Любовь и деньги, как ты понимаешь. Слуги не только обожают его, он им хорошо платит. Одевайся, и я тоже переоденусь. У тебя есть десять минут. Долго не возись. Я зайду за тобой. Прежде чем мы спустимся, мне надо тебя увидеть. Благослови тебя Бог!

Она ушла, прежде чем он успел ее остановить, и скрылась за дверью в противоположном конце коридора, но ее теплые слова все еще грели ему сердце, как угольки в камине.

Альберт Кэмпбелл вошел в комнату, которая, по всей видимости, была отведена именно ему, и взглянул на пиджак, аккуратно разложенный на кровати. Портновский ярлычок на нагрудном кармане свидетельствовал о том, что это его пиджак и что он приобрел его прошлой весной. После того, как Аманда ушла, он снова почувствовал себя неважно – навалилась слабость. Медленно и с некоторым усилием начал осторожно одеваться, отказавшись от всяческих попыток разгадать какие-либо тайны, кроме тех, что касались

местонахождения его нижнего белья и умывальных принадлежностей. Ему нужно торопиться. Аманда должна вернуться через десять минут, и этого времени достаточно, чтобы собраться. Он цеплялся за мысли об Аманде. Потому что его жена – единственное, что на данный момент реально в этом пугающем незнакомом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.